

МАЙСКАЯ НОЧЬ,
ИЛИ УТОПЛЕННИЦЫ

Байка в восьми главах с прологом и эпилогом

*Посвящается Дмитрию Николаевичу Садовникову
и всем собирателям народных преданий*

ПРОЛОГ

А началось с того, что поперся я с пьяных глаз напрямик. Напрямки, как принято в здешних краях выражаться. Засиделся на даче у приятеля, приняли изрядно, а ночь выпала такая, что травка вся луной на стебельки разобрана, никаких фонарей не надо. Ну и чего, спрашивается, крюк давать — до самой дамбы чапать? Участки наши, правда, разделены ериком, но он вроде неглубокий, перебреду как-нибудь.

Ерик шевелил лунными бликами. Там, где я к нему вышел, его перемыкал тростниковый заборчик, не достающий, впрочем, ни до того бережка, ни до этого. Подобные изгороди у нас ставят для зимнего лова и только на мелководье. «Вот вдоль него-то и переберусь», — решил я.

Разделся до трусов, снова влез в пластиковые шлепанцы, сгреб одежду и, заранее содрогнувшись, ступил в майскую холодрыгу. Оказалось глубоковато. Но не возвращаться же! Воздев к луне правую руку с барахлом и хватаясь левой за щетинистую тростниковую плотинку, — побрел. Погрузился по пояс, потом по грудь, оперся сильнее, нежели следовало, — и шаткое, осенью еще связанное сооружение не выдержало.

С гулким русалочьим всплеском я повалился вслед за выпавшим звеном, отчаянно пытаюсь уберечь от влаги свои пожитки. Не уберег, промочил насквозь — и впал в неистовство.

Ну не уроды, а? Связать как следует — и то не умеют! Хорошо хоть телефон дома забыл... И начал я, каюсь, ветхую эту загородку пинать.

Потом внезапно озяб.

— Пошто учуги рушишь? — прозвучало из лунной выси.

Негромко прозвучало, но грозно. Застигнутый с поличным, я поскользнулся на илистом дне, потерял шлепанец и вновь ухнул плашмя в сверкающую ночную стынь с одной-единственной мыслью: а стоит ли теперь вообще выныривать?

Вынырнул. Кое-как нащупал ногами опору, выпрямился, сотрясаемый ознобом. На правом берегу в просторной зеленоватой от луны рубахе одиноко стоял кряжистый старикан с долгой бородой того же оттенка — возможно, владелец порушенной изгороди. Выглядел он довольно зловеще, однако темнота, залегшая под сурово сдвинутыми бровями, могла таить все что угодно. В том числе и простое человеческое любопытство.

Учуги... Читать-то я это слово читал, правда, забыл, что оно значит, а вот в живой речи услышал впервые. Скорее всего, в виду имелась поврежденная мною конструкция. Местные жители называли такие тростниковые заборчики — «катцЫ». Или «катцЫ». За правописание не поручусь. Но уж никак не «учуги».

Поймал всплывший шлепанец. Обуть не решился — с равновесием было плохо.

— Чего сразу «рушишь»?.. — обиженно возразил я. — Переходил с той стороны... дно скользкое — ну и...

Старик усмехнулся.

— Спужался, дуралей?

— Так это не ваше? — спросил я с надеждой.

— А то... — проворчал он. — Ты это... или доламывай, или вылазь давай.

Я предпочел вылезти. Кажется, серьезной разборки не предвидится. Ну и на том спасибо.

— Толкуй таперь, — насупившись, велел он. — Пошто?

— Ну сам смотри, отец! — вскричал я. — Совсем уже совесть потеряли! Сетки ставят, с бреднями шастают, ерики теперь перегораживать наладись... Вот куда рыбнадзор смотрит?

— Рыбу жалешь?

— Жалею!

— А у самого, чай, тоже снасть стоять... — поддел пронизательный старикан.

— Да ни в жисть! — побожился я, невольно подлаживаясь под странноватый его говор. — Отродясь не ставил!

В самом деле странноватый. Словечки были как будто надерганы из разных диалектов, и речь звучала несколько нарочито. Впрочем, сейчас многие из себя станичников корчат: в прошлом месяце задержала, помню, полиция одного такого на проспекте — звук «г» произносил по-казачьи. И произнесло всего-навсего: «загибал». Громко произнес, во всеуслышание. Приняли за мат, штрафанули. И поделом! Потому что настоящий хуторянин сказал бы: «загинал».

Но старикан-то вроде не из этих... не из ряженных. И все равно присутствовало в нем нечто театральное. Уж больно величествен.

— Ладно, верю... — вздохнул он. Потом глянул искоса и сообщил как бы по секрету: — Сам учугов этих разорил — не перечить.

После такого признания я, честно сказать, опешил.

— Тут?

Зеленоватые в лунном свете усы и верхняя часть бороды шевельнулись в ухмылке.

— Да и тута тоже...

Грандиозный дед. Только вот откуда он такой взялся? Совершенно точно, что не дачник, — видимо, из Красного Стрежня, иначе бы я его знал. И все-то в нем какое-то было преувеличенное: ручкищи, плечищи, бородища. А уж грудные мышцы... Не то что культуристы — иная баба позавидует.

— Трясесси, цуцик? — не без злорадства осведомился эпический старикан. — Айда ко мне — согреисси...

— Да у меня дача рядом...

— Нишкни! — прикрикнул он. — Я ишшо не кажного к себе пушшу!

Вона как! Мне, получается, честь оказывают, а я кобенюсь...

— Н-ну... х-хорошо... — пробормотал я. — Спасибо, конечно, но... как скажете...

И двинулись мы в неизвестном направлении. «К себе...» Интересно, куда это «к себе»? В Красный Стрежень? Да ладно! До него чуть ли не километр...

Впрочем, вскоре я сообразил, что идем мы напрямиком к дачам. «Так это ж новый сторож! — осенило вдруг. — Наняли наконец! Наверное, в Красном Стрежне и наняли... Но до чего ж колоритен!»

В светлой ночи проступили пыльно-серые очертания ближайшего домика, однако шагов через десять со мной приключилось некое наваждение: лунное марево словно бы растворило и крышу, и штакетник, а взамен вылепило

каменистый бугор, совершенно неуместный в наших песчаных краях. Остановился, тряхнул головой. Бугор не исчезал. Мало того, обозначилась в нем дыра, и трепетало в той дыре нечто розовое. Вроде бы костерок.

Тут я чихнул, но даже и после этого видение не сгнуло.

— Салфет вашей светлости! — ехидно пожелал мне сторож.

* * *

Куда делся дачный поселок, сказать трудно. Мы стояли посреди лунной слегка всхолмленной равнины, вдалеке поблескивала большая вода — предположительно, Волга. Впереди, как упомянуто выше, горбился дырявый курганчик с костерком внутри. Не то пещера, не то землянка.

Разумеется, я был потрясен. Потрясен и подавлен. До сей поры мне представлялось, что так называемый цыганский гипноз действует лишь на доверчивых впечатлительных людей, на всяких там мистиков и простофиль, к каковым я себя, сами понимаете, не причислял. И вот на тебе!

Стало быть, не пятьдесят шагов прошли мы с дедом, а гораздо больше: миновали дачи, углубились в степь, и все это время я, получается, пребывал в беспамятстве. Согласен, крепко был выпивши, однако после вынужденного купания в ерике неминуемо протрезвешь. Иными словами, нет у меня смягчающих вину обстоятельств.

Ай да старикан! С таким ухом держи остро!

— Заходи... — зычно приказал он.

Податься некуда — приходилось принимать случившееся как оно есть. Я приблизился к дыре и опасно заглянул внутрь. Да нет, никакая не землянка — именно пещера. Посередке трепыхался обложенный камнями костерок, бросая отсветы на бугристые стены и ничем не укрепленный свод, с которого, между прочим, свисал на двух оббитых до блеска цепях замшелый бочонок. Весь, кстати, во вдавликах, словно по нему ломом колотили.

Этак ведь и обрушить можно пещерку-то...

Прочие бочки, насколько я мог разглядеть, в количестве четырех-пяти штук стояли как попало у стен, причем самая широкая и приземистая была накрыта большой почерневшей иконой, а на самой иконе лежал огромный старинный пистолет — чуть ли не с колесцовым взводом.

Прямо разбойничье гнездо какое-то.

— Ну чаво опять стал? — загремел на меня хозяин всей этой оперной бутафории. — Безлошадного драгунского полку пеший ездовой! Седай!..

Рядом с очажком располагались две плахи, на одну из которых я и присел не без робости. Любопытно, что с одежды, которую я держал в руках,

еще капало. Стало быть, не так уж и далеко мы с ним забрели. Машинально принялся отжимать, а сам оглядывался украдкой.

А ведь пожалуй что и не бутафория. Пистолетище, например, вполне достоверный — если и копия, то очень точная (на мой, разумеется, дилетантский взгляд).

В колеблющемся розоватом сумраке я не сразу увидел, что глиняный пол пещерки застлан огромным, возможно, персидским ковром, середина которого была варварски вырезана или, точнее, вырублена — как раз под размер очажка.

Хозяин тем временем, усевшись напротив, разглядывал меня из-под насупленных седых бровей. Долго разглядывал. Потом спросил:

— В икону стрелить будешь?

Я вздрогнул и чуть не выронил недовыжатое барахло.

— Зачем?

Старик моргнул. Похоже, удивился.

— Клад тебе дастся... — озадаченно пояснил он, окинув огромной корявой пятерней полпещерки. — Нет, ну, знамо, не весь... Чаво унесешь... Стрели давай! Иначе не взять...

Вот уж воистину клин клином вышибают. Самое бы время решить: не во сне ли я обретаюсь и не попробовать ли мне проснуться, — но предложение выстрелить в икону прозвучало столь кощунственно, что тут и во сне возмутишься.

— Так! — решительно сказал я. — Дед!.. Ты соображай, что говоришь вообще! А если б я был верующий?

— Не веруешь? — с любопытством осведомился он.

— Нет.

— Ни в Бога, ни в черта?

— Ни в Бога, ни в черта!

— А во что тады?

— В то, что вижу, слышу... осязаю... Да и то не всегда.

— А-ха... В меня, стал-быть, веруешь?..

— Куда ж я денусь? Вот он ты, передо мной...

По-моему, старикан остался доволен услышанным. Приосанился, встал, прошелся по дышащему пылью ковру. Даже бородищу свою огладил. Потом покосился лукаво.

— Чаво ж не стрелил, раз не веруешь? — уличил он меня.

— Ну так другие-то — веруют, — объяснил я. — Зачем мне их обижать?

— Вишь какой! — подивился старик. — Хошь с колокольни тя кидай...

Задумался, покачал головой. Голова у него тоже была вполне былинная — как у Тугарина Змеевича, с пивной котел. И воля ваша, а веяло от грозного старца некой первобытной силой, внушавшей мне легкий трепет.

— Ай, ладно! — беспечно молвил он. — Не хошь стрелить — не надо. Я седни добрый. Сколь унесешь — все твое...

Э, нет! После фокусов с цыганским гипнозом я уже был настороже.

— Да не буду я ничего выносить! — нервно отозвался я. — Других вон разводи!

— Чаво? — не понял он.

Или, подозреваю, сделал вид, что не понял.

— Дед! — взорвался я. — Да что ж ты меня за лоха-то держишь?

Расхрабрился? Да, расхрабрился, но, уверяю вас, исключительно с перепугу.

Кстати, «лох» не смутил его нисколько. Как выяснилось, словцо это старикан знал хорошо.

— Пошто ж за лоха? — оскорбился он. — Я к тебе со всей душой...

— Ага! Со всей душой!.. — огрызнулся я. — За сокрытие найденного клада, между прочим, и загрести могут... Недавно вон суд был над черными археологами!

Пещерный дед резко повернулся, уставился.

— Над кем?

Я объяснил. Он малость отмяк.

— А, энти... Знаю. Давеча пугнул одного... А про Анчихриста ничо пока не слышать? — тревожно спросил он чуть погодя. — Не объявлялся ишшо?

Несколько мгновений мы неотрывно смотрели друг на друга. Забрехала догадка. Были ведь случаи, когда в тайге обнаруживались целые семейства староверов, бежавших от патриарха Никона, потом от Петра и с тех самых пор триста с лишним лет ни разу не видевших ни единой живой души. Ковыряли сохой землю, питались чем бог пошлет, чаяли скорого конца света, ждали, что вот-вот придет в треклятой своей телеге об одной оглобельке враг рода людского...

Догадка, прямо скажем, хиленькая. Одно дело — тайга, и совсем другое — Нижняя Волга. Попробуй здесь утаись на триста лет! Мигом выявят.

И потом с чего бы отшельнику-старообрядцу подбивать дорогого гостя на этакое бесчинство — в икону пальнуть из пистолета? Хотя... Не исключено, что образ-то еретический, никонианский, по греческим канонам малеванный...

Да и клад в эту картину не вписывался. А вписывался он, между прочим, совсем в иную картину, не помню, правда, в какую. Где-то я что-то когда-

то подобное читал. Почему-то была мне знакома и пещерка, и замшелый приземистый бочонок, накрытый иконой, и лежащий поверх нее древний пистолет...

— Антихрист?.. — осторожно переспросил я, а сам все пытался восстановить читаное. Не восстанавливалось. В памяти по-прежнему зияло обширное слепое пятно. — Да нет вроде, не объявлялся...

— Ну, може, похожий кто...

— На Антихриста? — Я запнулся. Все известные мне политические деятели смотрелись мелко и на столь серьезную роль явно не годились.

Однако стоило мне на них отвлечься, слепое пятно исчезло — и память как бы вывернулась наизнанку, предъявив разом и пещерку, и бочки с награбленным золотом, и лежащий поверх иконы пистолет. Изумление мое было столь велико, что даже робость перед древним хранителем клада отшибло напрочь. Я поймал себя на том, что гляжу на него во все глаза — и хихикаю самым неприличным образом.

— Дед! — выговорил я. — Слышь... Хорош под Стеньку Разина косить! Все равно ведь не поверю...

Он обернулся — и я умолк. Взор старика был жуток.

ГЛАВА 1. НАСТИНА ГОЛОВА

Вшайке малолетнего Стеньку уважали — знали, что дурак, береглись. Ты ему слово, а он тебя — кистенем. В разбойники проситься пришел — решил его атаман попытать: способный ты к душегубству, али как? Иди, говорит, покажи себя, каков ты охотник на дикую птицу о двух ногах. Ради смеху, понятно: малец, пятнадцать годков, куда ему! Пошел. Вернулся с платом, а в плат голова девичья завернута, да такая личиком раскрасавица, что крякнул атаман:

— И как только у тебя у Ирода рука поднялась?

А вьюнош этот смотрит и вроде бы не ухватит никак, об чем толк.

— Так и поднялась, — отвечает. — Сабельку перекрестил, помолился: помоги-де, Боженька, булату моему...

— Денег-то хоть много взял?

Изумился Стенька, глянул с укоризной. Ты, дескать, чаво, атаман? Каки-таки деньги? Об деньгах и уговору не было.

Тут-то и смекнули разбойнички, кого к ним Волга примыла.

Встрял есаул (сам из татар):

— Перва встреча, — толкует, заступничает. — Перву встречу и без денег режут. Иначе счастьем не бывать.

Насупился атаман. Один глаз прикрыт, другой мигает — и под глаз тот лучше не попадать, потому как атаман Ураков еще и чародейству был учен.

— Кем служить мыслишь? — спрашивает.

Стенька возьми да и брякни:

— Кошевым.

Усмехнулся Ураков:

— Ишь! Кошевым!.. Тебе тута чаво, Запорожска Сечь? Кашеваром будешь.

Посопел малец, согласился.

А каша у него завсегда пригорала. Хотел его есаул уму-разуму поучить, а тот его уполовником! Заступника-то своего.

* * *

Хворосту в костерок не подбросили ни разу, но он почему-то все не гас и не гас. Огромная сутулая тень трепетала на бугристой стене пещерки.

— Степан Тимофеевич, — жалобно сказал я. — Но ведь ничего этого не было...

— Чаво не было? — встрепенулся старик.

— Атамана Уракова не было... Головы отрезанной не было... Это ж народное сказание...

— Народу не веришь? — Седые брови шевельнулись угрожающе.

Народу... Тут себе-то поди поверь! Смириться с происходящим означало признаться в собственном сумасшествии.

«Больной! — вспомнилось вдруг. — Не занимайтесь самолечением!»

И поступил я подобно старой моей знакомой. Грибочки она любила. Нажарила однажды целую сковородку, отведала — и чувствует: траванулась. Вызвала «скорую», отомкнула входную дверь, а сама села доедать — уж больно вкусно было. Все равно ведь приедут — откачают.

Так и я. Мысленно пообещал себе непременно показаться, вернувшись в город, дружку-психиатру, а сам с замиранием продолжил беседу.

Независимо от того, представлял ли собой старикан физическое явление или же существовал исключительно в моем мозгу, кое-какие выводы из его речей прямо-таки напрашивались. Было уже, к примеру, ясно, что передо мной отнюдь не историческая ипостась Стеньки Разина, а именно фольклорная, хотя еще поди пойми, которая из них хуже.

— Степан Тимофеевич! Я ведь это все у Садовникова читал...

— Садовников?.. — озадаченно переспросил он. — Чавой-то не помню...

— Да как же вам его помнить!.. — вскричал я, истово прижимая к голой груди влажную одежду. — Он аж через двести лет родился после того, как вас... на Красной площади... ну... четвертовали...

— Четвертовали, да не того... — зловеще усмехнулся старик. — Четвертовали они... Мне Богом суждено до последнего дня клады хранить да от змеев страдать... Ну и чаво он? Этот твой Садовник...

— Книжку издал, — растерянно сказал я. — «Сказки и предания Самарского края». Песню про вас сочинил... «Из-за острова на стрежень...»

— А-а... — смягчился, покивал. — Песню слышал... — вздохнул и добавил сокрушенно: — Раньше-то ее чаще играли...

— Так что у вас на самом деле вышло? С девушкой этой...

— С которой?

— Ну... чья голова...

А сам подумал: во даю! Допытываться у легенды, как оно все было не по легенде, — до такого еще додуматься надо!

— С девкой-то? — Совсем закручинился старик, брови свесил. — С девкой оно, конечно, все поиначе... Иду энто я в ту сторону, куды атаман велел, а сам мамыньку с тятенькой споминаю. Не стерпел — заплакал. Малой был ишшо... Тут она. Я слезыньки-то утер, говорю: «Здравствуй, красна девица, перва моя встреча!» Шапку снял, перекрестился, вынул сабельку из ножны...

— «Взвилася могучая рука с вострою шашкой кверху...» — в восторге подхватил я, вспомнив, как там дальше.

Оказалось, не так.

— Ага... — враждебно отозвался старикан. — Взвилася она там! Развилася... Гляжу на нее, на девицу эту — и не жалаю в разбойники. К мамыньке с тятенькой жалаю...

— Ну? А она?

— Сперва вроде как спужалась...

— Вроде?

— А то! Спужашь таку...

Замолчал. Почему-то внимание мое привлекла глиняная плошка чуть ли не с тазик величиной, притулившаяся возле одной из бочек. Пустая. Для кого ж это, интересно, поставлено?.. А ведь по преданию один из Стенькиных кладов охраняется большим медведем... Вот только медведя здесь не хватало!

— Дальше-то что было? — спохватившись, прервал я затянувшуюся паузу.

— А сам смекай. Обычай каков? Первой встрече, кто бы ни был, голову долой... Ну тут чаво? Тут хитрость одна есть хитрая. Гляжу: шест лежит.

Взял я его, смерил в рост девки этой, что лишнее — от шеста отсек, и ну его в мелку щепу сабелькой крошить... На удачу.

— А! То есть вы ее как бы... символически?.. Позвольте! А откуда ж тогда голова? Вы ж голову принесли... в плат завернутую...

— Ты слухай!.. Поглядела — руками сплеснула. «Болезный ты мой! Да куды ж те в душегубцы-то, недоростку? Чаво те надо? Голову? На...» Береть, слышь, себе за уши — и голову-то, прикинь, с себе сымаеть...

— Да ладно!.. — вырвалось у меня.

— Вот те и ладно...

— А вы?

Покряхтел, одолевая неловкость.

— Абдраган вдарил.

— Кто-кто вдарил?

— Ужас объял, — угрюмо перевел он на общепринятый.

— А-а... как же... кровь?

Замолчал старик. То ли припоминал, то ли придумывал.

— Кровь была... — решил он наконец. — Но, знаешь, така... засохша уже... «На, — говорит, — отнеси атаману Уракову...»

— Стоп! — вконец утратив робость, перебил я. — Чем говорит? Она ж без головы...

— Ну, стал-быть, голову в руках держит, а голова говорит... «Отнеси, — говорит, — атаману Уракову, только верни потом. Плат не забудь...» — и дает мне плат. Повернулась и пошла, безголовая... С тех пор и стали меня в шайке опасаться... А я вижу — уважають, ну и давай озорничать! То кистенем кого брязну, то уполовником... Вот они, бабы-то чаво творять, — крякнув, присовокупил он. — Все, почитай, беды от них...

* * *

Раздавшееся снаружи шипение было настолько громким и неожиданным, что меня подбросило с плахи. На границе кромешной черноты и подвижного розоватого полусвета обозначились две огромные змеи: одна черная, другая пестрая. Я не слишком хорошо разбираюсь в пресмыкающихся, но таких у нас точно не водится. Без пяти минут удавы.

— Полночь, что ли, уже?.. — недовольно спросил хозяин пещерки, тоже приподымаясь со своего седалища.

Я вспомнил, что сейчас должно произойти, и стало мне дурно. Согласно преданию, каждую ночь, едва пробьет двенадцать, к великому грешнику Стеньке Разину приползают эти исчадья ада и терзают — грудь сосут.

Потому она у него и разбухла — в бабью. Таково уж ему наказание от Господа Бога.

— П-пошли... в-вон... — неуверенно выдавил я, метнув испуганный взгляд в сторону пистолета. К счастью, сообразил, что резких движений лучше не делать... Кроме того, оружие-то — историческое, я ж не знаю, как с ним обращаться! Если это вообще оружие...

Змеи вопрошительно повернули друг к другу граненные головы. Похоже, мое присутствие несколько их смутило. Выскочили и спрятались раздвоенные язычки. Такое впечатление, будто рептилии коротко о чем-то посоветались.

Степан же Тимофеевич тем временем грузной поступью приблизился к бочонку, возле которого стояла пустая глиняная плошка, и извлек с той стороны вполне современную пластиковую канистру. Отвинтил крышку, наполнил посудину всклень.

— Да все свои... — успокоил он приползших. — Снедайте...

Пресмыкающиеся поколебались чуток, потом, решившись, устремились к вожделенному молочку. Припали к миске с двух сторон.

— Так вы тут... — начал я — и, не договорив, тяжело осел на плаху.

— Дык... за столько-то годков, — раздумчиво промолвил старик, завинчивая канистру и снова пряча ее за бочку, — свыкнесси, чай... сдружисси... Им-то, болезным, тоже ведь не мед... Это ж тока мстится, что терзать кого — удовольствие...

Вернулся, сел.

— А молоко откуда берете?

— Малец один приносит. С Красного Стрежня. Матря евойная коро-
венек держит...

Некоторое время мы с ним молча смотрели, как насыщаются обе inferнальные твари. Вскоре вычистили они плошку досуха, разочарованно потрогали язычками керамическое доньшко и, помедлив, отползли, словно бы выбирая, где прикорнуть.

— Так девка, выходит, кодаунья была?

— Настя-то? Та ишшо... Спать не давала.

— Это как?

— Ну... жили мы в землянках всей шайкой. Я себе отдельну выкопал...

— А с головой-то что?

— Голова, в плат завернута, в уголке лежит. И наладилась она, ты слухай, со мной по ночам гутарить. «Эй, — надсмехается, — недовыросток! Так и будешь атаману Уракову кашу варить? Самому в атаманы пора...»

— На карьеру подбивала? — рискнул пошутить я.

— А то! Я ж и толкую: все бабы, все от них... А Ураков, видать, подслушал. «С кем энто ты, — пытается, — по ночам балакаешь?» — «С мамынькой покойной, — вру, — да с тятенькой покойным...» — «А иде голову девки-ну дел?» — «Закопал с молитовкой...» — «Айда, — велит, — отроем...» Пошли на бугор...

— Это Настин, что ли, бугор? — уточнил я. — Тот, который вы потом битым стеклом завалили, чтоб блестел?

Собеседник уставился на меня с недоверием.

— А ты почем знашь?

— Да я там преподавал...

— Чаво делал?

— Детей учил.

— В бурсе?

— Н-ну... можно сказать и так... Восьмилетка... Верхняя Добринка Камышинского района.

— И чаво? До сих пор блестеть? Бугор-то!

— Блестеть не блестит, а слухи ходят. И битого стекла там много. Копнешь — скрипит.

— Ну дак!.. — самодовольно ухмыльнулся он в бороду. — Три воза стекол туда ухнули... А возчикам серебром уплатили.

— Вы дальше, дальше! — изнемогая от любопытства, подбодрил я.

— Чаво дальше? — сердито ответил он. — Дальше ему... Стали копать — ничаво, ясно дело, не выкопали. Ураков обратно меня пытать: «Иде голова?» — «Нету, — гутарю. — Видать, на сорок сажен в землю ушла...» — «Чаво б энто она ушла? — сумлевется. — Голова ж — не клад!» — «Как не клад? Покладено — значит, клад...»

Что-то скользкое и холодное коснулось моей голой ноги, и я чуть не заорал от неожиданности. Уставился, отшатнулся. Одна змеища (та, что пестрая) примасивалась поуютнее на моей правой ступне, лениво свертываясь в узел. Вторая подбиралась слева — явно с той же целью. «Как черная лента вокруг ног обвилась...» Я сидел ни жив ни мертв. Ужас объял. Абдраган вдарил.

— На тепло ползуть... — с нежной грустью заметил старик. — Ты уж их не забижай, не брыкай. Пушшай подремуть...

— Ну и ползли бы к костру... — иступленно просипел я.

— Не-э... — Он лукаво качнул головой. — Обожгесси об костер-то...

Нет, интересное дело! Сидит рядом великий грешник с пожизненным сроком вплоть до Страшного суда — вот и грелись бы об него... Хотя...

Собирательный образ, легенда. Об нее еще поди погрейся! А тут живой человек пришел... теплый...

— Ты, знай, слухай... — отвлек меня плод народного (да и моего, надо полагать) воображения. — Смотрить атаман Ураков мигучим своим глазом — и все смыслит. «Ох, — толкует, — и шельмец ты, Стенька... А ну кажи, чаво у тя там в балаганушке!» Ай, думаю, худо дело... Возвернулись в стан, слезли в яму. Глядь: нет головы! Плат на месте, а головы нету. Укатилась, видать, — почуяла...

Я, каюсь, слушал его вполуха — не до того было. Обездвиженный, почти парализованный, сидел и думал об одном: как бы невзначай не шевельнуться. Змеюки, кстати, оказались тяжеленные. Осторожно переместил барахло с колен под мышку — вдруг капнет на них, побеспокоит...

А старик, увлекшись, продолжал:

— Засмурел атаман. «То-го, — кумекает, — личико ейное знакомо показалось... Да уж, угораздило тя такую первую встречу сыскать... А плат-то чаво ж забыл? Голову прикопал, а плат забыл! Вернется ведь за платом... Ох, Стенька-Стенька! Натерписси ты от этих баб...» Мудер был — ровно в воду глядел...

ГЛАВА 2. ВОЛКОДИР

Чуть погодя оба гада вроде бы придремали. Расслабился пестрый узел на правой ступне, потом и черный на левой. Бережно одну за другой высвободил я нижние конечности, встал. Босиком ступая по насквозь пропыленному ковру (вызволить шлепанцы не удалось), перенес свою плаху поближе к Стенькиной. Пальцы на ногах успели онеметь.

— Да ты одержонку-то свою развесь поди, — посоветовал хозяин. — Чаво жмешь! Нехай сохнеть...

Я огляделся. Бельевых веревок в пещерке, понятное дело, не водилось. Пристроил бермуды и футболку на подвешенный к потолку бочонок, предварительно мазнув его пальцем, не марается ли, а сам вернулся к неугасимому костерку, где был застигнут весьма неприятной догадкой.

Да уж не белая ли у меня горячка? Кто-то допивается до чертиков, а я вот до Стеньки Разина...

Даже дыхание пресеклось.

Нет, чепуха! Сколько мы там приняли на даче? Бутылку на двоих?

Заставил себя резко вдохнуть и обратил внимание, что владелец пещерки поглядывает на меня с веселым любопытством. Следовало хоть что-то сказать.

— Степан Тимофеевич, — брякнул я наудачу. — А может, ну его на фиг, этот ваш казачий говор? Гутарь энту вашу... Прореживайте ее хотя бы... Я ж слышу: вы и литературной речью прекрасно владеете...

И нечаянно попал, видать, в точку. В вавилонском смешении диалектов нет-нет, а проскакивали вполне себе книжные обороты. Байки-то про Стеньку Разина все слагали: и грамотные, и неграмотные...

Кажется, опять обидел. Фыркнул старик, надулся.

— По-писаному желашь? Ну давай по-писаному...

* * *

Подобно большинству душегубов, строителем Стенька был неважнецким. Персональная землянка его представляла собой так называемый холодный шиш — просто яма, укрытая жердями и плетнем, а сверху — земляной намет. Копал ее Стенька, припеваючи: «Ай, пороєм, братцы, ямушки... Ай, поделаем балаганушки...»

В дождь там лило чуть ли не пуще, чем снаружи, еще и с грязью (а вот не припевки играть надо было, а шиш земляной повыше нагрести!). Впрочем, в ту пору, когда они с Ураковым слезли внутрь и убедились в отсутствии Настиной головы, деньки над волжским крутым бережком стояли подряд самые что ни на есть солнечные — пологий бугорок над ямой пропекся до звона, да и глинистое доньшко подсыхало помаленьку.

— Котел-то — почистить не грех... — не зная уже, к чему придраться, проворчал напоследок атаман — и вылез вон.

Молодой разбойничек хмуро посмотрел ему вслед и, присев со вздохом на кошму, подтянул поближе вместительный медный казан. Чистил, а сам разглядывал три земляные ступеньки, смекая, как же это она сподобилась по ним вскатиться. Скакала, что ли, с одной на другую?

Разумеется, Стеньке и в голову не могло прийти, чем отзовется его пригорелая каша в двадцать первом столетии, когда внезапно оказаченные особи превратят «кашевара» в «кошевара» (того же, считай, кошевого), а закопченный казан его станет символом единства и удали новоявленных станичников. Так и будут молвить: Казачий Вар. Или Казачий Котел. Все, дескать, вместе варимся.

— Что, дуралей? — послышалось из того угла, где лежал плат. — Думал, умней Уракова?

Вздвогнул, обернулся. Вход в землянку был достаточно широк — и дневного света вполне хватало, чтобы разглядеть все в подробностях. Настина голова смотрела на Стеньку из плата не мигая. Личико — сурово.

Стало быть, никуда не укатывалась — просто из виду пропадала.

— Боись его таперича, — недобро предостерегла она. — Таперича он глаз с тебе не спустит...

— Да и шел бы он лесом!

— Да он-то пойдеть... А с тобой-то чаво?

— Да, може, я и не хочу в атаманы! — взъерепенился Стенька.

Усмехнулась голова.

— Куды ж ты денисси? — ласково-зловеще спросила она. — Думаешь, я перва твоя встреча? Энто ты моя перва встреча... — Внезапно девичье личико выразило крайнюю досаду. — Дернуло ж меня связаться! Не мог на разбой другой дорогой пойтить? Да и я тоже... Нянькайся с тобой таперича!

— Вернуть тя, что ли? — осерчав, спросил Стенька.

— А и верни! — последовал ответ. — Завтра пошлеть тебе Ураков на промысел — в три стороны велит ходить, а в четвертую не велит...

— Да он завсегда так!

— А завтра, слышь, как раз в четвертую и ступай. Со мною вместе...

— А тебе куды деть?

— В плат сверни да в котомку сунь.

— А спросит, чаво в котомке?

— А ты ему с котомкой-то не показывайси.

Приздумался Стенька.

— Сабельку точить?

— Точи...

* * *

Так оно все наутро и случилось. Разослал Ураков разбойничков в три конца, а четвертый заповедал. «В энту, — говорит, — сторону ни по ногу не шагай!» Стенька, по обыкновению своему, давай перечить, кочевряжиться:

— Чаво енто? Куды хочу, туды иду!

Уставил на него грозный атаман свой мигучий глаз. Чародейский.

— Про Волкодира слыхивал? — вопрошает.

— Не-а...

— Твое счастье, кашевар. А пойдешь в ту сторону — еще и взвидишь, не приведи Господь! Ненадолго, а взвидишь...

— А чаво он?

— Таво! Чуда речная. Броня на ем — как на князе Барятинском, Юрии то есть Никитиче — неразрубная... Как взвидишь — сабельку бросай и сам в пасть к нему лезь! Все меньше хлопот...

* * *

Шли рощей и переругивались. Нет, шел-то, понятно, один Стенька — голова барыней в котомке ехала.

— Чаво идем? Волкодиру в пасть?

— Боисси, недоросток?

— Дык... Боись не боись...

— Вот и не боись!

На ближней раине, натопырив перья, орала горбатая ворона.

— Нишкни, карга! — прикрикнул на нее Стенька. — Ишь!..

Ворона не унималась.

Волкодир... Кто ж он такой, этот Волкодир? Верно, волк какой-нибудь громадный. А почему тогда чуда речная, если волк? Еще и в броне...

Деревья расступились, и очутился Стенька на обрывистом волжском берегу. Глянул — чуть сабельку не выронил. Такое там лежало, что и впрямь оборони Господь! Взять ящерку, приумножить до верблюда хивинского — как раз оно и получится.

— Энто хто?.. Волкодир?..

Голос от страха пропал — один шип остался.

— Коркодил, — буркнули из котомки. — А в Волкодира это его уж ваши волжские переиначили... по недослышке...

— Дохлый, что ль?..

В котомке сердито промолчали.

Откуда-то свалилась все та же отчаянная ворона, явно целясь присесть на серо-зеленый горб недвижимого страшилища. Но тут что-то шевельнулось, и Стенька заметил наконец рядом с бугристой и вроде бы замшелой коркодильей башкой саму Настю. Вернее, тулово ее, сидящее на коряге. Скорбно оглаживая одной рукой прижмуренное веко ящера, безголовая отогнала пернатую нечисть. Та шарахнулась, обезумевши.

Сидящая встала и направилась к Стеньке.

Мигом все уразумев, полез кашевар в котомку, достал голову, подал со всем нашим почтением.

Настя приняла ее обеими руками и бережно водрузила на плечи. Обмахнула с шеи следы засохшей крови. Огладила личико, словно бы проверяя, все ли на месте.

— Крокодил... — горестно повторила она. — А было у него еще одно имечко... тайное... Собеказухия. Потому как сам себе указ¹.

Отважился Стенька — тронул эту страсть. Вроде и вправду дохлый.

— Печенези тебе молились, — со слезой продолжала Настя, обращаясь к простертому на траве чудищу, — половцы молились... Татаре Зилантом звали, казаки — Яиком Горынычем... Царство хазарское за грехи утопил, Ростислава-князя под воду утянул... Учугов одних порушил — не счесть... Ни стрела тебе каленая не брала, ни палица железная...

— А чаво жен? — опасливо полюбопытствовал Стенька.

— Срок вышел... Годков-то ему, почитай, сколько? Волге с Волховом ровесник...

— А ты-то ему кто?

— Я-то?.. — усмехнулась, приосанилась. — А я вроде как невеста евойная... была.

— А ноне чья?

Вмиг осерчала, глазами пыхнула.

— Ноне — твоя... Чаво мигаешь? Тебе теперь учуги рушить, царства топить...

— Чаво это?

— Таво это! Перва ты моя встреча, чтоб ты об печь да в черепья!

А была та Настя белесая, светлоглазая — иноземного, чуть ли не варяжского подобию. Здешние-то все смуглявые да чернобровые. Оно и понятно! Что цыгане, что казаки — обличье у тех и у других заемное. У цыган — покраденное, у казаков — награбленное. В какую сторону уходили в набег, с той стороны и баб привозили. А хаживали обыкновенно к басурманам.

Вот и батька Стенькин Тимофей Разя фамилию себе привез из Крыма. В смысле — жену. Врала, будто турчанка, на самом деле была татаркой, а глаз имела дурной: на что посмотрит — все спортит. Да и трех сынов таких же выпекла, особенно среднего...

* * *

— Минутку, минутку, Степан Тимофеевич! — не выдержал и возмутился я. — Это уже не байки, это исторические факты! Прямо из учебника...

Старик хитровато на меня покосился.

— А учебник тебе не байка?

А и впрямь...

¹ Настя очевидно путает: себекозухия — действительно род крокодилов, но, во-первых, обитали они в Южной Америке, во-вторых, вымерли сорок миллионов лет назад, в-третьих, все были сухопутные.

* * *

Не по нраву пришлись юному Стеньке обидные Настины речи.

— Какого ж я шута сабельку точил?

— А такого шута, что руби давай! Уракову скажем: битва была.

Дохлый коркодил (он же Волкодир, он же Зилант, он же Яик Горыныч) и вправду казался неразрубным. Похмыкал Стенька, похмыкал, вынул сабельку, примерился — и хватъ ею по горбу! Клинок отскочил, показалось даже, будто искорка брызнула. Да уж броня... Как на Юрии Никитиче, князе Бярятинском.

— Этак ты ее выщербишь только! Пузом кверху опрокинь!

Стенька отложил саблю, ухватил Волкодира за переднюю лапу, поднатужился, но так и не превозмог. Пришлось звать на помощь Настю. Кое-как перевалили вдвоем навзничь. Отступили, отдышались. Да, брюхо-то, пожалуй, послабже будет, чем хребтина, — глядишь, поддастся.

Так оно и оказалось: вошла сабелька в пузо, как в сырую глину.

* * *

— Ну Степа-ан Тимофеич!.. — разочарованно взвыл я. — Ну нельзя же так! Все сказание загубили! Такое сказание... Красивое! Героическое! «Волкодир его тянет и хочет проглотить сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезáть...»

— Пасть посек... — помедлив, согласился старик. — Настя велела... Камень в брюхе нашел — белый, с кулак. Взял его голой рукой — пальцы жгеть. Хотел выкинуть — запретила. «Прибереги, — говорит, — пригодится». Ладно, сунул в котомку... А вот голову... — посетовал он. — Голову долго рубить пришлось. Умаялси. Сабелька вся в зазубринах, притупела, скривилась — совсем никуда... «Ну, — думаю, — не слуга ты мне больше. Новую искать надо...» А Настя обратно поперек: «Слуга, — говорит, — слуга. Только ты ее, слышь, не обтирай — прямо так Уракову покажешь...»

— И поверил Ураков?

— Куды там! Очумел, крику поднял — на весь берег!.. Орет — из дресен вылазит. «Врешь, — кричит, — Стенька! Я тутá девять лет с шайкой своей промышляю, а и сам в ту сторону не ходил, и другим не велел! Не мог ты такую чуду одолеть!»

— А вы?

— Побожился ему, поклялся: «Правду говорю, чтоб меня об печь да в черепья! Хошь, пойдём поглядим?» И сабельку кажу...

— А он?

— «Ай, — говорит, — курвин-прокурвин сын! Зарубил, небось, кого по дороге и сабельку нарочно выщербил... Чаво удумал? Всех нас Волкодиру

скормить?» А шайка-то — смотрит-слушает. Неловко атаману при них труса-то праздновать... «Первым, — грозит, — пойдешь, а мы уж за тобой...» Ну тут и остальных...

— Абдраган вдарил?

— Ён самый... «Никуды не пойдём! — орут. — Жрать хотим!» Проголодались, вишь... Кашу им вари! «А вот как сходим посмотрим, — говорит Ураков, — так и пирушку учиним! Ежели не соврал Стенька — заздравную, ежели соврал — заупокойную...»

* * *

До того страховиден был атаман Ураков, что иная первая встреча сама богу душу отдавала, не ждя, пока он ножик вынет. А Волкодир-то все ж страховиднее оказался — дажедохлый. Как взвидел атаман башку отрубленную с челюстями да пузо раскрытое — сперва остолбухахватила, а потом кинулся он что-то там искать в потрохах. Искал-искал, руки по плечи окровавил — так и не нашел ничего.

— Камушка не было? — спрашивает.

А Стенька стоит рядом — вроде как недоумен.

— Иде?

— В Ногайской Орде! Камушек! Бел-горюч, с кулак!

— Не-а... Требуха одна...

Шайка поодаль толпится, перешептывается. Боязно им подойти.

Закручинился атаман.

— Рассосался, что ль?.. — горюет. — Али с нуждой наружу вышел?.. — Потом глянул на Стеньку: — Погодь! — говорит. — А котомку куды дел? Ты ж с котомкой был!

Углядел-таки, одноглазый... (А котомка-то в дупле давно припрятана — Настя велела.)

Стенька только руками разводит:

— Дык... Проглонул он котомку... Я ее в его со страху бросил — он и проглонул... Я ж чаво брюхо-то ему резал? Котомку искал...

— Нету?

— Нету!

— Энто чем же она те так дорогá? Котомка-то!

— Да трубка в ней была! Куды ж мне таперь без трубки?

Крякнул атаман.

— Ладно... Свою подарю. Айда праздновать...

* * *

И пошла у них заздравная пирушка. Три дня гуляли.

ГЛАВА 3. БЕЛ-ГОРЮЧ КАМУШЕК

Был у атамана Уракова на берегу любимый бугор. Взойдет на него атаман, оглядит единым глазом Волгу-матушку и чуть узрит какое суденышко — кричит зычным голосом: «Заворачивай!»

Ну те смотрят: вроде Ураков на бугре. Значит, лучше завернуть. Так-то он ограбит и, глядишь, отпустит на радостях. А не завернешь — осерчает, догонит, набьет те пороху во все дыры да и запалит с прибауткой. То-то веселье...

Отгуляли они три дня, продрали утром ясны очи — а по Волге кораблик бежит! Гаркнул Ураков — не слушают на кораблике: плывут себе и плывут.

— Ах, курвины-прокурвины дети! — говорит Ураков. — Совсем Божий страх потеряли!

Сели с похмелья в лодку, взялись за веселки.

— Ай, грянем дружно!

Настигли-то вмиг, да капитан на кораблике не прост оказался. Выйдет на палубу: глянет — догоняют разбойнички, возьмет и тряхнет портками. Ну тех сразу на двадцать сажен и отбрасывает.

Так и ушли нетронутые.

Опечалился атаман.

— Вишь, Стенька, — корит. — А найди мы тады с тобой в потрохах у того гада бел-горюч камушек, были бы и ноне с добычей...

* * *

Выйдя к дуплистой иве, Стенька сперва обернется — глянул, нет ли кого окрест. Вроде никого. Вынул из дупла котомку, из котомки — камушек и стал гадать, что ж это за диво такое. Ну бел, ну горюч, а добыча-то тут при чем, о которой Ураков толковал?

— У, злыдень! — в сердцах сказали сзади. — Пока повернется, слеза навернется... Ладно хоть про дупло вспомнил!

Оглянулся. Невесть откуда взявшаяся Настя с неприязнью смотрела на него исподлобья. Как всегда.

— Другой бы давно уж лизнул, — попрекнула она.

— Кого? Камушек? — забоялся Стенька. — Язык сожгешь!

— Не сожгешь! Добрым вином на пирушке не сжег, небось? Три дня дымили...

— Дык... праздновали...

— Ишь! Праздновали! Чуду он речную зарубил!..

СОДЕРЖАНИЕ

Майская ночь, или Утопленницы	3
Пролог.....	4
Глава 1. Настина голова.....	10
Глава 2. Волкодир	16
Глава 3. Бел-горюч камушек.....	23
Глава 4. Девичьи козни	29
Глава 5. Атаман	36
Глава 6. Шапка, шуба, есаул	43
Глава 7. Маша, банька, сыновья	49
Глава 8. Море Каспицкое	56
Эпилог.....	62
Андрюиды срама не имут	65
Глава 1. Карина.....	66
Глава 2. Дача	74
Глава 3. Обмылок.....	81
Глава 4. Мымра	89
Глава 5. Лицензионные	96
Глава 6. Лера	104
Глава 7. Разоблачены.....	114
Глава 8. Страхи.....	123
Глава 9. Леха.....	132
Глава 10. Муть.....	140
Глава 11. Срыв	147
Глава 12. Предвестия	156
Глава 13. Зачистка	164
Глава 14. Свалка.....	172

РАССКАЗЫ

Тот самый день.....	180
Шантаж.....	188
Мысли под дождем.....	196
Хроноскреб.....	203
Робин Бобин Барабек.....	227
Память высшей очистки.....	233
Серенький волчок.....	242
Образец.....	249
Пять соток Солнца.....	259
Двое на пустыре.....	281
Навигация.....	284
Великая депрессия.....	286
Правда о Тунгусском метеорите.....	300
Вровень с лесом.....	306
Драндулет.....	324
Ловцы пред Господом.....	331
Оптический эффект.....	339

Литературно-художественное издание

16+

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦЫ

Повести и рассказы

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.